

А.Е. Алекторов

**Указатель книг, журнальных и
газетных статей и заметок о
киргизах.**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.Е. Алекторов**
Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. / А.Е. Алекторов –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 992 с.

ISBN 978-5-4241-5430-0

ISBN 978-5-4241-5430-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ослабленные потерю людей, киргизъ-кайсаки рѣшились удалиться отъ него, какъ можно далѣе, подавшись частію на западъ, а частію на сѣверъ. Меньшая орда, перейдя на правый берегъ Эмбы, напала на кочевавшихъ тутъ калмыковъ и, стѣснивъ ихъ, проникла до самаго Урала, гдѣ встрѣтилась съ нашими казаками. Въ то же время Средняя орда подвинулась на сѣверъ до Ори и Уя, вытѣснивъ обитавшихъ тамъ башкиръ далѣе на западъ. Но такимъ образомъ, на западѣ и сѣверѣ киргизъ-кайсаки нажили себѣ въ калмыкахъ, башкирахъ и уральскихъ казакахъ новыхъ враговъ, которые, мстя какъ за вновь отнятыя земли, такъ и за старыя обиды, стали тревожить ихъ непрерывными набѣгами.

Чтобы выйти изъ этого гибельнаго положенія, киргизъ-кайсакамъ оставалось одно средство—признать себя подданными той же власти, которой повиновались башкиры, калмыки и казаки уральскіе—власти Государей русскихъ. Киргизы чувствовали это какъ нельзя лучше, но народная гордость мѣшала имъ рѣшиться на такое униженіе, и нерѣшительность ихъ продлилась бы, можетъ быть, весьма долго, если бы ханъ Абуль-Хаиръ, управлявшій въ это время большею частію Меньшой и нѣкоторыми родами Средней орды, не понадѣялся найти въ подданствѣ Россіи, сверхъ блага для народа, и средствъ къ удовлетворенію личнаго своего честолюбія. Признавъ себя вассаломъ Россіи, съ помощію ея располагалъ онъ возвыситься надъ соперникомъ своимъ, ханомъ Каипомъ, которому подвластна была остальная часть Меньшой орды, потомъ покорить каракалпаковъ и хивинцевъ, а затѣмъ, усилившись достаточнымъ образомъ, мечталъ, быть можетъ, возвратить и самую независимость. Въ этихъ видахъ, склонивъ на подданство Россіи незначительное число своихъ приверженцевъ и не дожидаясь согласія остальныхъ подчиненныхъ, лѣтомъ 1730 года отправилъ онъ къ уфимскому воеводѣ Бутурлину нѣсколькихъ посланцевъ съ письмомъ, въ которомъ, признавая себя и орду свою вѣчными подданными Россіи, обѣщался жить на собственномъ иждивеніи и даже

помогать Россіи въ усмиреніи ея непріятелей, а между тѣмъ просилъ вспомогательнаго войска для покоренія хивинцевъ и другихъ народовъ. Изъ Уфы посольство немедленно препровождено было въ Петербургъ, гдѣ, по неизвѣстности истинныхъ поводовъ его, безсилія хановъ у киргизъ-казаковъ и вообще хитраго, коварнаго и вѣроломнаго характера азіатцевъ въ дѣлахъ политическихъ, неожиданное предложеніе Абуль-Хаира принято было съ радостію: лѣтя славѣ государства присоединеніемъ къ нему безъ кровопролитія нѣсколькихъ сотъ тысячъ новыхъ подданныхъ, оно обѣщало спокойствіе юго-восточнымъ областямъ нашимъ, нерѣдко страдавшимъ отъ опустошительныхъ вторженій киргизъ-кайсаковъ¹⁾, и въ то же время открывало для правительства множество блестящихъ надеждъ по торговлѣ съ Среднею Азією; думали, что добровольно покорившихся ордынцевъ можно будетъ употребить въ ослабленію враговъ ихъ джунгаровъ, предприимчивый властитель которыхъ Галданъ-церынь былъ еще живъ; надѣялись, что киргизъ-казаки послужатъ и къ усмиренію башкирцевъ, частыми бунтами своими безпокоившихъ правительство; радовались, наконецъ, и вызову Абуль-Хаира усмирить каракалпаковъ, аральцевъ и въ особенности хивинцевъ, которые носили на себѣ свѣжіе еще тогда слѣды крови коварно умерщвленнаго ими посла русскаго, князя Бековича—Черкаскаго, съ многочисленными товарищами его несчастія. Вслѣдствіе всего этого, посланцы Абуль-Хаировы, осыпанные милостями и подарками, отправлены были обратно въ орду вмѣстѣ съ переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Мурзою Тевкелевымъ и нѣсколькими уфимскими дворянами и русскими казаками, которымъ поручено было привести новыхъ подданныхъ къ надлежащей присягѣ.

¹⁾ Такъ въ 1717 году вторгнувшись въ сибирскія границы наши, они проникли даже до Шешминска, въ Казанской губерніи, взяли его, разорили, и хотя потомъ прогнаны были съ потерей, но тѣмъ не менѣе успѣли увлечь съ собою много плѣнныхъ.

Появленіе Тевкелева въ ордѣ тотчасъ же обнаружило обманъ Абуль-Хаира. Узнавъ о предложеніи хана и зачѣмъ пріѣхали къ нимъ русскіе, киргизы взволновались и въ первомъ пылу негодованія чуть было не убили Тевкелева и его товарищей; грозили смертію и самому Абуль-Хаиру. Но Тевкелевъ рѣдкимъ благоразуміемъ своимъ и необыкновенною увлекательностію рѣчей не только выручилъ изъ бѣды и себя и хана, но, дѣйствуя съ самоотверженіемъ и настойчивостію, успѣлъ даже расположить киргизовъ къ покорству Россіи: на общемъ съѣздѣ 1732 года присягнули добровольно на подданство Имперіи всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ и ханъ Средней орды, по имени Шемяка. Послѣ этого, по европейскимъ помятіямъ, дѣло было кончено, и отъ киргизовъ Меньшой и Средней орды надлежало ожидать, согласно съ даннымъ ими обѣщаніемъ, совершенной покорности. Но азіатцамъ, легкомысленнымъ и вѣроломнымъ, ничего не значило, какъ дать, такъ и нарушить клятву. Не успѣлъ еще Тевкелевъ сообщить правительству объ успѣхахъ своихъ дѣйствій, какъ киргизы Средней орды, и во главѣ ихъ самъ ханъ Шемяка, ознаменовали вступленіе свое подъ защиту Россіи двумя, неудачными впрочемъ, вторженіями въ ея предѣлы, что тотчасъ же поколебало вѣрность собратій ихъ и въ Меньшой ордѣ. Тевкелевъ, собиравшійся въ обратный путь, былъ снова ими задержанъ и, вмѣстѣ съ Абуль-Хаиромъ, принужденъ откочевать къ устью Сыръ-Дарьи. Здѣсь, неожиданно, явилась къ нему депутація отъ каракалпаковъ, народа мирнаго и угнетеннаго сосѣдями, который, прослышавъ о могуществѣ Россіи и вступленіи киргизовъ въ ея подданство, сталъ искать того же и немедленно далъ присягу на вѣрность. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ на подданныхъ Абуль-Хаира въ добрую сторону: они окончательно рѣшились признать себя подвластными Россіи. Вслѣдствіе этого, вмѣсто съ Тевкелевымъ, Абуль-Хаиръ отправилъ ко Двору Императрицы Анны новое значительное посольство, состоящее изъ сына его Ирали и нѣсколькихъ другихъ почетныхъ лицъ. Видимую

цѣлью этого посольства было торжественное изъявленіе покорности отъ лица всего подвластнаго Абуль-Хаиру народа, а настоящее желаніе—получить отъ двора обычные въ такихъ случаяхъ подарки и похлопотать кое о чемъ въ свою пользу. Торжественно представленный Императрицѣ въ февралѣ 1734 года, Ирали, отъ имени отца своего, обязывался: 1) охранять безопасность русскихъ границъ, смежныхъ съ землями его орды; 2) защищать купеческіе караваны наши при проходѣ ихъ черезъ киргизскія степи; 3) давать изъ подвластныхъ своихъ, въ случаѣ нужды, подобно башкирамъ и калмыкамъ, вспомогательное войско и 4) платить ясакъ звѣриными кожами. Взамѣнъ этого Абуль-Хаиръ просилъ утвердить въ его родѣ ханское достоинство на вѣчныя времена и построить при впаденіи Ори въ Уралъ городъ съ крѣпостью, въ которой бы могъ онъ находить себѣ убѣжище въ случаѣ опасности. Последняя его просьба свидѣтельствовала, какъ мало средствъ имѣлъ Абуль-Хаиръ исполнить на дѣлѣ принятія имъ на себя обязательства. Тѣмъ не менѣе правительство наше повѣрило обѣщаніямъ, приняло ихъ, за исключеніемъ ясака, отъ котораго сочло нужнымъ отказаться на первый случай, и такъ какъ просьбы Абуль-Хаира не заключали въ себѣ ничего противнаго нашимъ пользамъ, рѣшилось исполнить ихъ немедленно. Съ другой стороны, и ханъ Средней орды Шемяка прислалъ въ Уфу своихъ посланцевъ съ изъявленіемъ раскаянія въ сдѣланныхъ послѣ присяги нападеніяхъ и съ новымъ предложеніемъ подданства. Такимъ образомъ казалось, что присоединеніе кайсаковъ Меньшой и Средней орды было дѣломъ конченнымъ, и оставалось только наслаждаться въ мирѣ плодами столь удачнаго пріобрѣтенія. На дѣлѣ вышло совсѣмъ не то.

Построеніе крѣпости на Ори, равно какъ и приведеніе въ исполненіе собственныхъ видовъ правительства относительно кайсаковъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, возложено было на извѣстнаго государственными свѣдѣніями и способ-

ностями статскаго совѣтника Кириллова. Въ инструкціи, ему данной, между прочимъ предписывалось:

1) Отъ Большой и Средней ордъ потребовать присяги.
2) Построить городъ съ крѣпостью при устьѣ р. Ори и стараться о привлеченіи въ него жителей.

3) Гривицею со стороны Россіи назначить р. Уралъ и смотрѣть, чтобы никто изъ киргизовъ не переходилъ самовольно на правый ея берегъ.

4) Для разбирательства пограничныхъ дѣлъ учредить судъ изъ русскихъ чиновниковъ и значительнѣйшихъ киргизовъ, съ тѣмъ—чтобы каждый судился въ немъ по обычаямъ своей земли.

5) Отправить, при первомъ удобномъ случаѣ, караванъ съ товарами въ Бухарію и, если можно, далѣе. Равнымъ образомъ стараться привлечь въ Россію для торговли купцовъ изъ разныхъ мѣстъ Азіи.

6) Въ каждомъ караванѣ отправлять геодезистовъ для осмотра съемки мѣстъ.

7) Стараться завести въ Аральскомъ морѣ пристань и вооруженныя суда, для чего построить сначала нѣсколько шлюпокъ на Уралѣ и, разобравъ ихъ, держать, со всѣми снастями, во всегдашней готовности. Когда же городъ построится и связи съ киргизъ-кайсаками и каракалпаками утвердятся, то разобранныя суда, въ зимнее время, перевезти на Аральское море и тамъ, собравъ, опять вооружить пушками.

8) Абуль-Хаиру, въ войнѣ его противъ хивинцевъ, дѣлать пособіе только порохомъ и оружіемъ, но войскъ вспомогательныхъ не давать.

Для приведенія этихъ предположеній въ исполненіе, Кирилловъ снабженъ былъ всѣмъ нужнымъ: артиллерією, войсками, мастеровыми, инженерами, геодезистами, горными и другими чиновниками. Но ему удалось исполнить лишь весьма немногое: нѣкоторыя изъ помянутыхъ предположеній осуществились лишь въ самое последнее время, другія и до сихъ поръ не могли быть приведены въ исполненіе.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ іюнѣ 1734 года, въ ноябрѣ Кирилловъ прибылъ въ Уфу, а въ слѣдующемъ году заложилъ на мѣстѣ нынѣшняго Орска небольшой городъ Оренбургъ, послѣ чего приступилъ къ возведенію укрѣпленій по рѣкѣ Уралу и, для поддержанія безопаснаго сообщенія съ этою уральскою линіей, къ возведенію такой же линіи укрѣпленій отъ новопостроеннаго Оренбурга до города Самары на Волгѣ. Эти первоначальныя и самыя необходимыя работы затруднены были возмущеніемъ башкиръ, которые не могли смотрѣть равнодушно на водвореніе между ними русскихъ поселеній съ русскими войсками. Усмиреніе возмущенія заняло почти все вниманіе не только Кириллова, но и преемника его въ управленіи оренбургскимъ краемъ,—извѣстнаго историка Татищева.

Что же дѣлали въ это время наши вѣрноподданные киргизы?

Пользуясь безпокойствами, возникшими у волжскихъ калмыковъ, также считавшихся нашими подданными, они три года сряду—1736, 1737 и 1738—разоряли ихъ, угоняя скоть и поломя людей. Въ послѣдній изъ этихъ набѣговъ, вмѣстѣ съ калмыками, захвачено было много и русскихъ. Самъ же Абуль-Хаиръ—ханъ, пользуясь даннымъ ему позволеніемъ дѣйствовать противъ непокорныхъ намъ башкиръ, грабительствовалъ въ землѣ ихъ цѣлыхъ два мѣсяца, такъ что надо было, наконецъ, распорядиться объ удаленіи его оттуда. Несмотря на все это, въ 1738 году, при свиданіи съ Татищевымъ въ Оренбургѣ, онъ снова принятъ былъ съ почестями и осыпанъ подарками. Войдя въ палатку Татищева, ханъ сказалъ ему и бывшимъ съ нимъ такого содержанія на татарскомъ языкѣ небольшую рѣчь:

„Ея Императорское Величество Всемиловивѣйшая Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская, какъ единое солнце на небѣ всѣ прочія свѣтила въ мірѣ превосходить, которой хотя за отдаленіемъ глазами не вижу, но сердцемъ великолѣпіе и милость ея ощущаю, въ васъ—господиѣ

тайномъ совѣтникѣ, какъ въ лунѣ, приемлющей отъ Ихъ Величества лучъ сіянія, припадая, подданнѣйшую мою покорность, любовь сыновскую и рабское повиновеніе изъявляю и съ великими падъ неприятелими побѣдами съ великимъ мнѣ порадованіемъ и всегда преимуществовать желаю; себя же со всею моею фамиліею и съ моими ордами во Всевысочайшую Ея Императорскаго Величества милость и защищеніе, какъ подъ крыло орла великаго, подвергаю и вѣчно въ вѣрности и покорности пребываю и пребуду. Васъ же—господина тайнаго совѣтника, какъ моего пріятеля, благополучнымъ сюда прибытіемъ поздравляю, желаю вашу къ себѣ и къ моимъ любовь и дружбу видѣть, которыя отъ меня и моихъ съ крайнею возможностію изъявлены будутъ“.

Татищевъ на эту весьма любезную рѣчь хана отвѣчалъ своею, не менѣе любезной:

„Почтенный Абуль-Хаиръ-ханъ.

Ваше къ Ея Императорскому Величеству подданническое поздравленіе не иначе, какъ за утвержденіе ваше къ Ея Императорскому Величеству покорности и вѣрности пріемля, всеподданнѣйше донести не оставлю, а потомъ Высочайшимъ повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества обнадеживаю, что Ея Императорское Величество васъ—хана, какъ со всею вашею фамиліею и ордами Всемиловѣйше въ подданство и во Всевысочайшее Ея десницы защищеніе и материнскую милость принять соизволила, такъ и всегда васъ, какъ вѣрноподданныхъ, въ томъ содержать соизволить, службу же и вѣрность, показанную отъ васъ, Всемиловѣйше похваляетъ. При томъ объявляю вамъ Всемиловѣйшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе, чтобы одинажды обѣщанное свое подданническое желаніе присягою по закону вашему утвердили. Я же собственно, васъ видя, весьма радуюся и, отъ сердца желая вамъ всякаго благополучія, поздравляю и о моей къ вамъ любви и дружбѣ не иначе, какъ моего друга и брата—увѣряю, и оное непремѣнно сохранять желаю“.

Послѣ этихъ рѣчей принесли въ палатку золотомъ вышитый коверъ, стоя на которомъ Абуль-Хаиръ-ханъ, по настоянію Татищева, далъ ниже помѣщенную присягу въ вѣрности на подданство нашему правительству:

„Я киргизъ-кайсацкій ханъ Абуль-Хаиръ даю обѣщаніе и клятву всемогущимъ Богомъ, что хочу и долженъ со всеѣмъ моимъ родомъ и со всею моею ордою Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской и по ней Ея Императорскаго Величества высокимъ законнымъ наслѣдницамъ, которые по изволенію и самодержавной Ея Императорскаго Величества власти опредѣлены и впредь опредѣляемы и къ воспріятію престола удостоены будутъ, — вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть, и всё къ Высокому Ея Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить и при томъ, по крайней мѣрѣ, стараться и приспѣшествовать все, что къ Ея Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касаться можетъ; о ущербѣ Ея Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявить, но и всякими мѣрами отвратить и не допустить и по указамъ Ея Императорскаго Величества присылаемымъ съ крайнею возможностью исполнять тшачися буду, какъ я передъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же этой моей клятвы цѣлую слова, данныя отъ Всевышняго“.

Ханъ поцѣловалъ при этомъ коранъ у приводившаго его къ присягѣ ахуна.

Татищевъ подошелъ къ Абуль-Хаиру съ богатою саблей, приготовленной въ подарокъ хану киргизовъ-казаковъ.

„Сія тебѣ милость, сказалъ онъ, отъ Ея Императорскаго Величества въ знакъ Всевысочайшей къ тебѣ и ко всему народу твоему защиты; ты же долженъ противу всѣхъ враговъ Ея Величества со оною такъ храбро и вѣрно поступать, какъ честному челоувѣку и вѣрному слугѣ прилично и должно, и сію для той памяти имѣешь всегда неотлучно при себѣ носить“.

Татищевъ подалъ при этомъ Абуль-Хаиру саблю и— раздалась пальба изъ пушекъ. Какъ хвастливый азіатецъ, ханъ обѣщалъ собрать и доставить въ Россію всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ ордахъ киргизскихъ и во владѣніяхъ сосѣднихъ народовъ. Въмѣсто же этого, подданные его въ слѣдующемъ 1739 году, почти на самой границѣ нашей, разграбили два купеческіе каравана, вышедшіе изъ Оренбурга, и потомъ въ 1740 году, когда бѣжали отъ нашихъ войскъ за рѣку Уралъ главный башкирскій возмутитель Карасакаль, ханъ и его султаны рѣшительно отказались ловить бѣглеца. Въ такомъ же родѣ было и дальнѣйшее поведеніе Абуль-Хаира и подвластныхъ его въ отношеніи къ Россіи. Онъ и сыновья его, пріѣзжая въ Оренбургъ пользовались дорогими подарками и въ высшей степени дружескимъ къ нимъ отношеніемъ, взамѣнъ чего повторяли нѣсколько разъ свою присягу въ вѣрности и давали разныя обѣщанія, исполнять которыя не могли, да и не хотѣли, и нарушеніе которыхъ происходило при первомъ же удобномъ случаѣ. Хорошо было одно, что до 1743 года ни ханъ и ни его султаны не осмѣливались дѣлать явнымъ образомъ набѣги на наши границы и крѣпости, а въ этомъ году, получивши отказъ въ принатіи заложникомъ побочнаго сына его Ченгиза, вмѣсто законнаго Ходжи-Ахмета, Абуль-Хаиръ-ханъ озлобился до таковой степени, что самъ сталъ подушать своихъ киргизовъ къ нападенію на пограничныя наши селенія. Вслѣдствіе этого, партія въ 1000 и 2000 челоувѣкъ вторгались въ малочисленныя, едва основанныя русскія села и увлекали съ собою за Уралъ все, что не могло спастись отъ нихъ или быть

ими истреблено. Подъ Илецкимъ городкомъ въ одинъ несчастный день было взято въ плѣнъ около 80 человекъ. Въ довершеніе всего—виновникъ этихъ злодѣйствъ, скрывая злобу свою, не переставалъ увѣрять письменно наше правительство въ своей преданности Россіи и повторять, что всѣ нападенія производимы были ему непокорными киргизами; только въ слѣдующемъ 1744 году сбросилъ ханъ коварную личину: сначала онъ разграбилъ шедшій изъ Астрахани въ Хиву нашъ караванъ, а потомъ задержалъ поручика Гладышева, отправленнаго изъ Оренбурга къ каракалпакамъ, и отнялъ имущество и „грамоту“ у возвращавшихся изъ Петербурга посланниковъ этого народа. Таковы были подвиги Абуль-Хаира-хана до самаго конца его жизни, наступившаго въ 1748 году. Наказанія со стороны нашего правительства готовились ему нѣсколько разъ, но тѣ или другія обстоятельства и соображенія всегда отклоняли грозу. Преемникомъ Абуль-Хаиру, въ званіи хана Малой орды избранъ былъ стараніями Россіи старшій сынъ его Нуралі; народный выборъ былъ утвержденъ официально Императорскою грамотой.

Зависимость Средней орды была еще менѣе существенна. По смерти хана Шемяки, эта орда управлялась двумя султанами Абуль-Магметомъ и Аблаемъ, которые, по приглашенію Татищева, пріѣхали въ Оренбургъ и приняли здѣсь въ 1740 году, вмѣстѣ съ 120 старшинами, присягу на подданство Россіи. Расположеніе ихъ къ русскому правительству казалось искренно, но находясь ближе, нежели къ намъ, къ сильному въ то время властителю джунгаровъ—Галданъ-церыню, принуждены были вскорѣ затѣмъ признать надъ собою верховную власть этого послѣдняго. Это не помѣшало, однако же, Абуль-Магмету присягнуть еще въ 1742 году, по поводу восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы на вѣрность Россіи. Въ то же время призналъ себя впервые подданнымъ нашимъ и повелѣвавшій значительною частью Средней орды султанъ Баракъ; посланные его осыпаны были въ Петербургѣ милостями и разнаго рода подарками; но когда